

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«МЦБС Первомайского района»

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ
РАЙОННАЯ БИБЛИОТЕКА**

Методико-библиографический отдел

**Не бывает любви
несчастливой...**

п. Первомайский

Поэтический час

Ведущий(1): Более семидесяти лет назад закончилась самая кровопролитная, самая разрушительная война в мировой истории. Победа в этой величайшей из всех войн над фашизмом и милитаризмом стала важным рубежом в судьбах человечества. Она была оплачена жизнью десятков миллионов мужчин, женщин и детей, колоссальными разрушениями. Оставшиеся в живых хранят в памяти военное и довоенное прошлое. 9 мая этого года Булату Окуджаве исполнилось бы 95 лет, а 10 мая столько же - Юлии Друниной. Они писали о том, чем жили – впечатлениями от встреч с людьми, жили историей, о том, что на войне были их главные жизненные университеты.

Органическая ненависть к войне отложила отпечаток на всю оставшуюся жизнь. Булат Окуджав так выразил свой взгляд на войну: «Ах, война, что ж ты сделала подлая...»

Война – это суровое, жестокое единоборство, и радость побед, перемешанная с горечью потерь.

Подобная судьба на войне была и у Юлии Друниной.

Ведущий(2): Юлия Владимировна Друнина родилась 10 мая 1924 года в Москве, там же прошло её детство. Училась в школе, где работал её отец. Он был директором школы, преподавал историю. Отца Юля обожала. Он был для неё образцом справедливости, разума, порядочности. От него осознание Родины.

Чтец: О, Россия! С нелёгкой судьбою страна...
У меня ты, Россия, как сердце, одна.
Я и другу скажу, я скажу и врагу -
Без тебя, как без сердца прожить не смогу...

Ведущий(2): Она любила читать и не сомневалась, что будет литератором. В 11 лет начала писать стихи.

Чтец:

Над полями, над лесами
Птичий гомон, детский смех.
Быстро мелкими зубами
Пилит белочка орех.

Барабанной дробью дятел
Привечает громко нас.
О заботах, об утрате
Позабудем хоть на час.

Все печали позабудем
В ликовании весны.
Мы ведь люди, мы ведь люди –
Мы для счастья рождены!

Ведущий(2): Творческий путь Юлии Друниной длиною почти в полвека можно без преувеличения назвать поэзией человеческого достоинства. Это тот редкий случай, когда поэт пишет, как живёт, и живёт, как пишет.

Чтец:

Веет чем-то родным и древним
От просторов моей земли.
В снежном море плывут деревни,
Словно дальние корабли.
По тропинке шагая узкой,
Повторяю – который раз! –
«Хорошо, что с душою русской
И на русской земле родилась!».

Ведущий(1): Её стихи пронизаны нежностью, теплом и болью:

Чтец:

Кто говорит, что умер Дон Кихот?
Вы этому, пожалуйста, не верьте:
Он не подвластен времени и смерти,
Он в новый собирается поход.

Пусть жизнь его невзгодами полна –
Он носит раны словно ордена!
А ветряные мельницы скрипят,
У Санчо Пансы равнодушный взгляд –

Ему-то совершенно не с руки
Большие, как медали, синяки.
И знает он, что испокон веков
На благородстве ловят чудаков,
Что, прежде чем кого-нибудь спасёшь,
Разбойничий получишь в спину нож...

К тому ж спокойней дома, чем в седле.
Но рыцари остались на земле!
Кто говорит, что умер Дон Кихот?
Он в новый собирается поход!
Кто говорит, что умер Дон Кихот?

Ведущий(1): Друнина всегда знала, чего хотела. При всей романтичности своего характера, так естественно совпавшего с чистотой помыслов её ровесников, она почти не совершала необдуманных поступков. Её порыв непременно соотносился с точным осознанием конечной цели. Но, приняв решение, она уже не отступала. Так, московская школьница, выросшая в интеллигентной учительской семье, она отринула все уговоры (и слёзы) родителей и ушла в 1942 году из 10 класса на фронт. Ушла в самое драматическое время, в самое пекло войны, в самый неспокойный род войск – в пехоту. И следом за нею идут её будущие стихи:

Чтец: Школьным вечером, хмурым летом,
Бросив книги и карандаш,
Встала девочка с парты этой
И шагнула в сырой блиндаж.

Ведущий(1): До конца 1944 года служила санинструктором в стрелковом полку.

Чтец: Могла ли я, простая санитарка,
Я, для которой бытом стала смерть,
Понять в бою, что никогда так ярко
Уже не будет жизнь моя гореть?

Могла ли знать в бреду окопных буден,
Что с той поры, как отгремит война,
Я никогда уже не буду людям
Необходима так и так нужна?..

Ведущий(1): Потом был артиллерийский полк.

Побледнев, стиснув зубы до хруста,
От родного окопа одна ты должна оторваться,
И бруствер проскочить под обстрелом должна.

Ты должна. Хоть вернёшься едва ли,
Хоть «Не смей!» повторяет комбат.
Даже танки (Они же из стали!)
В трёх шагах от окопа горят.

Ты должна. Ведь нельзя притвориться пред собой,
Что не слышишь в ночи, как почти безнадежно
«Сестрица!» кто-то там под обстрелом кричит...

Ведущий(2): Получила два тяжёлых ранения. В первый раз осколок прошёл в двух миллиметрах от сонной артерии. Ещё бы миг, и всё могло закончиться фанерной звездой над затерявшимся на полях сражений обелиском.

Чтец: Убивали молодость мою из винтовки снайперской, в бою,
При бомбёжке и при артобстреле...
Возвратилась с фронта я домой раненой,
Но сильной и прямой -
Пусть душа едва держалась в теле

После второго ранения, в конце 1944 года, Друнину окончательно демобилизовали. Хотя демобилизованной из солдатской юности она никогда себя не считала. Как невозможно уйти в запас из личной судьбы:

Я порой себя ощущаю связанной между теми,
Кто жив и не отнят войной...
Я связанная. Бреду в партизанском лесу,
От живых донесенье погибшим несущу:

«Нет, ничто не забыто, нет, никто не забыт,
Даже тот, кто в безвестной могиле лежит».
Кто в безвестной могиле лежит».

Она спасала солдат, видела нечеловеческие страдания, тысячи раз рисковала жизнью.

Всю жизнь от зависти томиться мне к той девочке,
Худящей и неловкой - к той юной санитарке,
Что с винтовкой шла в кирзачах пудовых по войне.

Неужто вправду ею я была?.. Как временами
Мне увидеть странно солдатский орден в глубине стола,
А на плесе рубец солдатской раны!

Ведущий(1): Она являет собою образ Поэта фронтового поколения. Эхо войны сопровождало её в последующие годы. Через много лет Друнина, быть может, напишет именно об этих днях, когда уже из мирного времени услышит от дорогого человека:

...Я тебя представить не могу
В стоптанных солдатских сапогах... -

И припомнить другой вечер, другую обстановку:

...Миномёты били, падал снег.
И сказал мне тихо дорогой,
На тебя похожий человек:
- Вот лежим и мёрзнем на снегу,
Будто и не жили в городах...
Я тебя представить не могу
В туфлях на высоких каблуках.

Не знаю, где я нежности училась, -
Об этом не расспрашивай меня.
Растут в степи солдатские могилы,
Идёт в шинели молодость моя.

В моих глазах - обугленные трубы.
Пожары полыхают на Руси.
И снова не целованные губы
Израненный парнишка закусил.

Нет! Мы с тобой узнали по сводкам
Большого отступления страду.
Опять в огонь рванулись самоходки,
Я на броню вскочила на ходу.
А вечером над братскою могилой
С опущенной стояла головой...
Не знаю, где я нежности училась, -
Быть может, на дороге фронтовой...

Ведущий(2): Самое сильное чувство, которое она испытала в жизни, - война.

Чтец: Всё грущу о шинели, вижу дымные сны, -
Нет, меня не сумели возвратить из Войны.
Дни летят, словно пули, как снаряды года...
До сих пор не вернули, не вернуть никогда.

И куда же мне деться? Друг убит на войне.
А замолкшее сердце стало биться во мне

Четырёхстишие, которое она написала в окопах, позже вошло во все антологии военной поэзии:

Я только раз видала рукопашный,
Раз – наяву. И сотни раз – во сне...
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

После войны она поступила в Литинститут, но сделала это очень «по-военному». Она просто стала ходить на лекции и семинары в своей армейской одежде, и никто не решился её выгнать. А потом она успешно сдала сессию...

Главные темы её творчества – любовь и война.

Что ещё мне в этом мире надо? Или, может быть, не лично мне
Вручена высокая награда - я живой осталась на войне?

Нет, это не заслуга, а удача - стать девушке солдатом на войне,
Когда б сложилась жизнь моя иначе,
Как в День Победы стыдно было б мне!

С восторгом нас, девчонок, не встречали: нас гнал домой
Охрипший военком. Так было в сорок первом.
А медали и прочите регалии - потом...

Смотрю назад, в продымленные дали: Нет, не заслугой
В тот зловещий год, а высшей честью школьницы считали
Возможность умереть за свой народ.

Ведущий(1): За спиной Юлии Друниной всё ещё звучало как в пятидесятые годы, так и в последующие, эхо войны:

Мне близки армейские законы,
Я недаром принесла с войны
Полевые мятые погоны
С буквой «Т» - отличьем старшины.
Я была по-фронтовому резкой,
Как солдат, шагала напролом,
Там, где надо б тоненькой стамеской,
Действовала грубым топором.

Мною дров наломано немало, Но одной вины не признаю:
Никогда друзей не предавала – научилась верности в бою.

Это стало её человеческим кодексом. Удивительно, что в стихах Друниной нет никакого пафоса, театрального героизма. Из её строк можно с фотографической точностью узнать, какая мера напряжения, страдания и ужаса выпала в юности на долю, тех, которых теперь уже почти не осталось в живых, а тогда, ещё совсем дети, какой страшной беде заглянули они в глаза.

Мы родились два раза. И вторым был День Победы -
Как забудешь это?..
И с той поры, далёкой той поры
Нет для меня святее даты, нету!
Все наши праздники люблю и чту.
Но День Победы это День Победы.
Душа летит в такую высоту –
За не вернувшимися следом...

Так опыт испытания человеческого духа в двадцатом столетии зашкаливает за все мыслимые и немыслимые пределы страданий.

Духовная высота, солдатская дружба, взаимовыручка, мужество – всё это для Юлии Друниной не просто однажды пережитое и обретенное, но и точка отсчёта. Планка поднята - в нравственном смысле - требовательно. Именно по этому уровню проверяется всё: собственные поступки и поведение друзей, своя и чужая любовь:

Нет в любви виноватых и правых. Разве эта стихия - вина?
Как поток раскалённой лавы пролетает по судьбам она.
Нет в любви виноватых и правых, никого здесь нельзя винить.
Жаль безумца, который лаву попытался б остановить...

Ведущий(2): У Друниной лирические стихи прекрасные.

Не бывает любви несчастливой. Не бывает...
Не бойтесь попасть в эпицентр сверхмощного взрыва,
Что зовут «безнадёжная страсть».
Если в душу врывается пламя, очищаются души в огне.
И за это сухими губами
«Благодарствуй!» шепните Весне.

Никем и никогда она не была понята так, как Алексеем Каплером - любимым мужем, который всегда шёл прямой дорогой совести рядом с другом и женой.

Не привыкла, чтоб меня жалели,
Я тем гордилась, что среди огня
Мужчины в окровавленных шинелях
На помощь звали девушку, меня.
Но в этот вечер, мирный, зимний, белый,
Припоминать бывшее не хочу.
И женщиной – растерянной, несмелой
Я припадаю к твоему плечу.

Это была красивая элегантная женщина, тщательно следящая за своей внешностью. А. Каплер бережно и нежно поддерживал Юлию на поворотах ухабах многие годы совместного пути. Его потеря обернулась для неё одиночеством.

Любовь проходит. Боль проходит.
И ненависти вянут гроздьё.
Лишь равнодушие – вот беда –
Застыло, словно глыба льда.

Совершенно не приспособленная к высидиваниям в президиумах и начальственным кабинетам, она решилась пойти в народные депутаты СССР, а затем стала и членом Верховного Совета. И её романтизм вскоре разбился о циничный напор внутреннего предательства, что стало для неё большой драмой.

Вот и нету ровесников рядом -
Не считаю я тех, что сдались.
Почему им «под занавес» надо
Так цепляться за «сладкую жизнь»?

Разве гордость дешевле опалы?
А холуйство – спасательный круг?..
Я устала, я очень устала
Оттого, что сдаются вокруг.

Это был период тяжелейших переживаний и сомнений. Это для неё явилось крушением целого мироздания, под обломками которого оказались погребёнными идеалы всего её поколения.

За утрату – утрата,
Гаснут сверстники мои.
Бьют по нашему квадрату,
Хоть давно прошли бои.

Что же делать? – вжавшись в землю
Тело брненное беречь?..
Нет, такого не приемлю,
Не об этом вовсе речь.

Кто осилил сорок первый,
Будет драться до конца.
Ах, обугленные нервы,
Обожжённые сердца!..

И вот однажды, на переломе бытия, начинает катастрофически не хватать свежего воздуха, лишь последний выдох таланта парит, дрожа и замирая, над только что написанными стихами.

А всё равно меня счастливей нету,
Хотя, быть может, завтра удавлюсь...
Я никогда не налагала вето
На счастье, на отчаянье, на грусть.

Я ни на что не налагала вето,
Я никогда от боли не кричу.
Пока живу – борюсь.
Меня счастливей нету, мня задуть
Не смогут, как свечу.

Ведущий(1): И когда потеряла потребность творить, приняла решение уйти из жизни по своей воле: физически не разрушенной, душевно не состарившейся. И даже уход из жизни был продуман до мельчайших подробностей: имела право выглядеть женщиной и после смерти. А свой поступок объяснила в предсмертном стихотворении:

Покрывается сердце инеем –
Очень холодно в судный час...
А у вас глаза как у инока –
Я таких не встречала глаз.

Ухожу, нету сил. Лишь издали
(Всё ж крещёная!) помолюсь
За таких вот, как вы, - за избранных
Удержать над обрывом Русь.

К 95-летию со дня рождения Юлии Друниной

Но боюсь, что и вы бессильны.
Потому выбираю смерть.
Как летит под откос Россия,
Не могу, не хочу смотреть!

Израненная войной, она не смогла пережить ещё одной трагедии страны – трагедии эпохи перемен... Развал СССР Она встретила с тяжёлым сердцем. Не было страны, не было любимого мужа, иссякло вдохновение. 21 ноября 1991 года Юлии Друниной не стало. Она могла тысячу раз погибнуть на той войне, на которую ушла в 17 лет. А умерла по своей воле...

Когда-то В.Г. Белинский высказал ключевой принцип общественной значимости творчества: «Время преклонит колена перед художником, которого жизнь есть лучший комментарий на его творения, а творения – лучшее оправдание его жизни». Примером абсолютного слияния жизни и поэзии была и остаётся **Юлия Друнина**.

Сценарий к 95-летию со дня рождения Ю. Друниной: «Не бывает любви несчастливой...» <https://www.art-talant.org/publikacii/literatura/12119-scenariy-literaturno-muzykalynoy-kompozicii-ne-byvaet-lyubvi-neschastlivoy.html>

Биография Ю. Друниной: <https://cbs-irkutsk.ru/o-poete-frontovike-yulii-druninoy-rasskazali-v-biblioteke-14/>

Составитель: Алиева Л.А.,
библиотекарь МБО
Компьютерный набор и вёрстка:
Алиева Л.А.

